

Весь ход собрания Хэ Янь провёл в состоянии полной боевой готовности.

Пусть сейчас карманных денег у него хватало, но, чтобы удержать Линь Шо рядом, нужно было заставить того поверить: Хэ Янь будет становиться всё богаче и богаче!

Никогда прежде Хэ Янь не вникал в материалы, подготовленные Линь Шо, с таким рвением. И плевать, понимал он написанное или нет — главное, ослепить всех своим блеском и выбить из семьи побольше инвестиций. Он помнил, что Линь Шо — блестящий выпускник финансового факультета. Когда придут деньги, он отдаст их в его полное распоряжение, и тот наверняка будет в восторге.

А когда Линь Шо будет счастлив, он и смотреть не станет в сторону этого выскочки Хэ Линя!

Хэ Янь чувствовал себя просто гением.

Линь Шо не догадывался, о чём думает его наниматель, но необычайная покладистость Хэ Яня заставила его облегчённо выдохнуть. В конце концов, если бы тот заартачился, Линь Шо не смог бы в одиночку вылепить из него великого бизнес-стратега — или хотя бы просто дотянуть до планки достойного отпрыска семьи Хэ.

Линь Шо тихо сидел рядом, время от времени подавая нужные документы, пока Хэ Янь держал речь.

На этот раз Хэ Янь задействовал всю свою смекалку. Он удивительно складно отчитался о проделанной работе и с непоколебимой уверенностью обрисовал перспективы, заявив, что при благоприятном раскладе прибыль в несколько сотен процентов в следующем году — сущий пустяк...

Линь Шо лишь промолчал.

Когда Хэ Янь закончил, Хэ Линь тут же подхватил:

— Раз уж Сяо Лю так уверен в успехе, предлагаю увеличить финансирование его направления, — он изобразил само великодушие. — Я даже готов уступить часть своей доли в его пользу.

«Ну-ну, посмотрим, как ты заговоришь, когда придётся выжимать эти сотни процентов».

Линь Шо бросил на Хэ Линя короткий взгляд и тут же отвернулся.

Как бы тот ни старался казаться невозмутимым, Хэ Линь всё равно выдал себя. Он был ещё слишком молод и не достиг того уровня, на котором стоял Хэ Боюань, взирающий на богатство и статус как на нечто несущественное. У таких вещей есть пугающее свойство: чем больше ты

ими дорожишь, тем легче им взять над тобой власть. В итоге не ты играешь с ними, а они с тобой.

Хэ Линь не удержался и вставил шпильку, хотя мог бы промолчать и сохранить достоинство. Он был во всём сильнее Хэ Яня: начал раньше, стоял выше...

Но влияние Хэ Боюаня было поистине безграничным.

Стоило председателю пожелать, и даже такой олух, как Хэ Янь, мог бы без труда унаследовать всю империю.

Линь Шо невольно посмотрел на Хэ Боюаня.

В тот же миг старик поднял глаза и посмотрел на него.

Насмешку в его глазах мог понять только Линь Шо.

«Смотри, — словно говорил этот взгляд, — даже самые выдающиеся дети семьи Хэ не в силах вырваться из этой прекрасной игры в деньги и власть».

«Псих».

Линь Шо считал, что Хэ Боюань болен, и болен серьёзно. Это какой же бездной одиночества нужно быть поглощённым, чтобы находить удовольствие в созерцании чужой душевной тьмы?

У кого в сердце нет тёмных углов? Что плохого в любви к деньгам? К власти? К статусу? У каждого есть желания. И пока человек не опускается до обмана и подлости, стремление к успеху ничем не хуже стремления к любви. Кто знает, может, такие люди приносят обществу гораздо больше пользы.

Когда собрание закончилось, Хэ Боюань не стал приглашать их к обеду.

Хэ Янь, понуриив голову, вывел Линь Шо из особняка.

Но стоило им миновать ворота, как он тут же расправил плечи:

— Ну, каков я, а? В этом году семейный фонд выделил в два раза больше средств, чем в прошлом!

Линь Шо улыбнулся и коротко кивнул.

Едва они доехали до дома, Хэ Яню позвонил кто-то из его приятелей. Распираемый гордостью, он жаждал похвастаться успехами, поэтому тут же согласился на встречу, бросив Линь Шо у подъезда.

Линь Шо проводил взглядом исчезающий автомобиль.

Он постоял на снегу, поплотнее запахивая воротник. Пальто было очень тёплым.

Логика Хэ Яня порой была за гранью понимания, но в глубине души он не был дурным человеком.

Немного подумав, Линь Шо направился в сторону музыкального магазина. В наши дни, когда интернет забит любым контентом, дела у таких лавок шли из рук вон плохо. Помещение выглядело заброшенным.

Линь Шо вошел внутрь.

Владелец, мужчина лет пятидесяти, сидел за прилавком в пыльной серой кепке, из-под которой выбивались седые пряди. Курил самокрутку из едкого домашнего табака, вкус которого явно приносил ему массу удовольствия. Заметив гостя, он выбросил окурочек и расплылся в улыбке, обнажив желтоватые зубы:

— О, Сяо Линь пришёл!

— Здравствуйте, дядя Чэнь, — отозвался Линь Шо. Он оглядел полки и спросил: — Не найдётся ли у вас полного собрания фильмов режиссёра Ли Чжуншаня?

— Ну, парень, это ты по адресу! — гордо заявил босс Чэнь. — Мой магазин, может, и неказист, но такого собрания Ли Чжуншаня ты во всём городе не сыщешь! У меня даже есть несколько дисков с автографами. Знал бы ты, как моя старуха его обожала. Ни одной премьеры не пропускала. Я ведь эту лавку и открыл-то только для того, чтобы её сердце завоевать...

Дядя Чэнь ещё долго рассыпался в воспоминаниях о том, как он ублажал свою жену. В конце концов он вытащил из подсобки большую коробку и начал привычно вынимать диски со стеллажей.

Линь Шо расплатился и, прижимая тяжёлую коробку к груди, вернулся в квартиру.

Это жильё принадлежало Хэ Яню, и тот настоял на переезде. Линь Шо немного переделал обстановку, превратив одну из комнат в домашний кинотеатр: огромный экран почти во всю стену и грамотно расставленная мебель создавали нужную атмосферу.

Линь Шо аккуратно сложил диски стопками.

Ли Чжуншань не был излишне плодовитым автором, выпуская по фильму-два в год, но за десятилетия работы у него накопился внушительный багаж.

Цзинь Шэнтань обладал поистине зорким глазом — он мгновенно считал главную проблему Линь Шо. Тот подсознательно избегал работ Ли Чжуншаня, и уж тем более не решался их изучать.

Ли Чжуншань...

Вспоминая их совместный с Хэ Янем просмотр «Города журавлей», Линь Шо осознавал: потрясение, которое он испытал перед лицом этой непреодолимой пропасти в мастерстве, было куда сильнее, чем у обычного зрителя. Но если это великое искусство, почему он до сих пор не пытается у него учиться?

Линь Шо просидел за экраном до глубокой ночи.

На экране сменялись кадры бессмертной классики, которую считали вершиной творчества мастера. В те годы техника Ли Чжуншаня ещё не была столь отточенной, как сейчас, но каждый сюжетный поворот искрился гениальностью. По сравнению с поздними работами, талант, проявленный здесь, казался незыблемой горой, придавившей своим весом всех последователей. Именно этот фильм когда-то открыл Ли Чжуншаню двери к «Золотому льву».

Линь Шо пересмотрел его раза четыре: то ускоряя, то замедляя, разбирая каждую сцену по косточкам, пропуская через себя снова и снова.

Лишь когда город окончательно погрузился в сон, он выключил проектор.

Вот оно — кино, на которое он так долго боялся взглянуть.

Оно и впрямь рождало чувство бессилия перед чем-то недостижимым. Человек послабее, посмотрев такое, мог бы и вовсе навсегда бросить режиссуру. Зачем карабкаться, если вершина уже занята кем-то великим?

Линь Шо, измотанный, добрался до спальни и рухнул в постель.

В отличие от него, Хэ Янь ворочался и никак не мог уснуть.

Вечером от своих приятелей он услышал нечто, что выбило его из колеи. Те зубоскалили, что выпускникам уровня Линь Шо многие компании предлагают зарплаты в сотни тысяч, и интересовались, не собирается ли Хэ Янь раскошелиться.

Хэ Янь, до того пребывавший в эйфории от собственного успеха, опешил.

Затем он вспомнил их «соглашение» и на месте разругался с друзьями, заявив, что между ним и Линь Шо больше нет «тех самых» отношений.

Хэ Янь плохо разбирался в рынке труда, но понимал: такой талант, как Линь Шо, которого превозносят наставники, — это лакомый кусок для любого хедхантера.

Но если Линь Шо мог зарабатывать огромные деньги сам по себе, зачем он полез к нему в постель? Он ведь и без посторонней помощи мог обеспечить себе миллионные доходы!

Хэ Янь нечасто утруждал себя раздумьями, но зерно сомнения, попав в благодатную почву, тут же дало ростки. Поворочавшись ещё немного, он не выдержал, оделся и поехал к Линь Шо.

В окнах квартиры было темно — Линь Шо, должно быть, уже спал.

Хэ Янь вошел в дом и побрел в темноте. Проходя мимо одной из комнат, он заметил приоткрытую дверь. При свете луны, льющемся из окна, он разглядел обстановку. Он щелкнул выключателем: на полу и столах в художественном беспорядке громоздились горы дисков.

Подняв один, он замер: Ли Чжуншань.

Хэ Янь растерянно поставил диск на место и, погасив свет, на цыпочках пробрался в спальню. Линь Шо крепко спал. Он слегка нахмурился, а лицо хранило печать глубокой усталости. Диски явно были новыми, только что распечатанными... Неужели он пересмотрел их все за один вечер?

В груди Хэ Яня шевельнулось странное чувство — щекочущее, непривычное.

Он ведь только вчера обмолвился, что ему нравится Ли Чжуншань, и Линь Шо тут же скупил все его фильмы!

Что это значило? Только одно: Линь Шо хотел найти общие интересы, общие темы для разговоров!

Несмотря на то, что Хэ Янь платил ему меньше, чем другие, Линь Шо остался с ним... Почему?

Ладони Хэ Яня мгновенно вспотели от волнения.

«А что, если я всё это время ошибался? Что, если он полез в мою постель вовсе не из-за денег?»

Должно быть, он ему нравится! Наверняка Линь Шо влюблён в него, раз согласился на такое унижительное положение. А он, дурак, ничего не замечал!

Хэ Янь осторожно скользнул под одеяло и притянул Линь Шо к себе.

Если это правда, то как ему теперь быть? Если Линь Шо действительно его любит...

Хэ Янь подался вперёд и коснулся губами щеки Линь Шо.

Тот мгновенно открыл глаза.

Хэ Янь замер.

Он крепче обнял Линь Шо, прижимая к себе:

— Почти уснул, и вдруг вспомнил... Я ведь забыл выдать тебе награду за сегодня.

С этими словами он, стараясь не задеть носом Линь Шо, накрыл его губы своими.

Пожалуй, это был их первый поцелуй, который действительно походил на поцелуй.

<http://bllate.org/book/17574/1711014>